

«ТЕПЕРЬ Я РЕШИТЕЛЬНО ЖИВУ В ПРОШЕДШЕМ» (О вологодском периоде жизни и творчества Н.И. Надеждина)

Николай Иванович Надеждин – личность во многом непонятная и мало исследуемая. Сказать о Надеждине лучше, чем Н.К. Козмин, никому до сих пор не удавалось: «Среди писателей, имена которых занесены на страницы истории, есть любимцы судьбы, есть и пасынки. “Завиден прекрасный удел первых”. Им, по словам поэта, все рукоплещут; их называют великими, и “далеко и громко разносится их слава”. Иной удел вторых, тех, которые “не собирают народных рукоплесканий”. Им “не избежать лицемерно-бесчувственного современного суда, который назовет ничтожными и низкими ими лелеянные создания”. К числу последних следует отнести и Николая Ивановича Надеждина» [3, с. V].

Для многих Н.И. Надеждин является фигурой, в значительной степени неизвестной: его творчество не изучают в рамках стандартного курса философии; его фамилию не упоминают на школьных занятиях по литературе; его стихотворения в большинстве своем утеряны. Но при этом вклад Надеждина в развитие русской философии и литературы огромен. Именно Надеждин воспитал значительную часть «Золотого века» русской литературы.

Эстетическая концепция В.Г. Белинского построена на трудах Надеждина [2, с. 197]; классическая формула развития искусств воплощена в лучших произведениях И.А. Gonчарова и братьев Аксаковых. А.И. Герцен, Н.В. Станкевич, М.Ю. Лермонтов – все они в той или иной степени прошли лекции Надеждина. Наделенный от природы трудолюбием, он полемизировал с А.С. Пушкиным, выстраивал свою философскую концепцию, презентируя античную и классическую немецкую философию, успешно читал курсы лекций-импровизаций в Московском университете.

Скрываясь под псевдонимом «экс-студент Никодим Надоумко», философ Надеждин печатался в журнале «Телескоп» и в приложении к нему – литературной газете «Молва». Стремительное развитие карьеры оборвалось слишком резко. Влюбившись в Е.В. Сухово-Кобылину и понимая бесперспективность своих ухаживаний (он – сын священника, она – дворянка), Никодим Надоумко принял предложение П.Я. Чаадаева, обещавшего все устроить [4, с. 170].

Публикация «Философического письма» в журнале «Телескоп» (№ 15 за 1836 год) стоила Надеждину всего: он был изгнан из Москвы в ссылку в Усть-Сысольск [11, с. 1]. Оттуда Никодим Надоумко уже не вернулся. Конечно, Надеждин в 1838 году был прощен, но это был совсем другой человек. О смерти Никодима Надоумко в провинциальном городе Вологда и пойдет речь в настоящей статье.

Надеждин прибыл в Вологду 7 февраля 1837 года в три часа пополудни. Впечатления, которые произвела на Надеждина Вологда, выглядят удручающе: «Дорога ужасная, ухаб на ухабе; точно море, застывшее в самом бурном волнении; я нырял в буквальном смысле слова. <...> Около Вологды засинелись уже безбрежные леса, в которые я должен погрязнуть: перспектива мрачная, но она имеет в себе и то утешительное, что дорога летом будет лучше, гляже. В том только беда, что едва ли не придется мне бросить здесь мою кибитку и взять здешний омнибус. Дороги так тесны, что обыкновенными христианскими санями не проедешь... Об Усть-Сысольске везде и от всех слышу горькие отзывы. Канада – общий приговор! Впрочем, говорят, местоположение, несмотря на леса, сухо, потому что город расположен на горе. Ртуть зимой беспрестанно мерзнет, так что можно делать из нее биллиардные шары. <...> Сама Вологда – город небольшой, но незавидной. Строение – святая старина. Церквей множество, и все носят печать глубокой древности. Это дает городу особую физиономию. Жизни, сравнительно с другими губернскими городами, меньше: может быть, оттого, что дома разбросаны; на улицах мертвое и пусто», – пишет он в письме С.Т. Аксакову [4, с. 172].

Несмотря на расположность к Надеждину Л.В. Дубельта, пытавшегося создать философи лучшие условия жизни (в рамках дозволенного, конечно), Николай Иванович в феврале заболел ревматизмом. Вологодский губернатор Д.Н. Болговский отправился к Бенкендорфу с докладом о болезни Надеждина, в котором просил задержать Надеждина в Вологде до полного выздоровления. Бенкендорф поддержал инициативу. Надеждин задержался в Вологде вместо трех дней на полгода [4, с. 173–174].

Но даже испытывая серьезное недомогание, Надеждин активно трудился. Известно, что он писал и посыпал статьи в Петербург для «Лексикона», а также для «Энциклопедического лексикона» Адольфа Плюшара. За период ссылки Надеждин написал для Плюшара более ста статей, в том числе статьи «Вологда», «Великий Устюг», «Вологодская губерния» и т.д.

Анализируя эти статьи, не зная их автора, никак нельзя предположить, что они принадлежат Надеждину. Человек, легко «оперирующий именами Горация, Роллена, Лагарпа, Мерзлякова, Жуи, Фосса, Лесажа, Фильдинга» [10, с. 94] и прочих, ни разу никого не процитировал. Один лишь раз прокльнула никодимонедумовская формулировка: в статье «Вологда», анализируя торговлю, он писал: Вологда «своей обширностью и множеством церквей представляет теперь одну только монументальную тень прежнего величия» [6, с. 399].

До ссылки специфической чертой Надеждина был как раз способ построения высказываний. В статье «О высоком»: «Самое торжественное проявление изящного есть высокое. Это – зенит беспредельного мира красоты» [8, с. 50]. В диссертации: «Первые памятники жизни человеческой, похищенные от всеистребляющей едкости времени и до нас дошедшие, запечатлены изяществом поэтическим» [9, с. 97]. Ничего похожего в вологодских статьях нет. Надеждин был окончательно сломлен как философ-

оратор. Мир, казавшийся доступным для изучения, неожиданно отвернулся от него.

Все вологодские статьи отличаются сухостью и документальностью. В статье «Вологда» Надеждин характеризует город, который так ему и не полюбился. «С постепенным упадком Архангельской торговли, по открытии других, удобнейших и кратчайших путей сообщения, начался и постепенный упадок Вологды» [6, с. 399]. Однако, «несмотря на то, Вологда и теперь занимает не последнее место между губернскими городами империи» [6, с. 400]. (Надеждин уже знал о существовании поселения Усть-Сысольск.) «Домов считается в ней 1310, в том числе каменных только 64; жителей обоего пола 16278, между которыми мужского 8,806» [6, с. 400]. «Главнейшую красоту города составляют церкви, свидетельствующие сколько благочестие, сколько богатство древних Вологжан. Число их пропорционально населению Вологды, превосходит самую Москву» [6, с. 400]. Всего, отмечает Надеждин, в Вологде 50 церквей, и все каменные. Здесь достоинства города заканчиваются. «Во всех прочих отношениях наружность города незначительна» [6, с. 401]. Как человек интеллигентный, Надеждин аккуратно обходит вопрос о специфике этих построек: «Домы низшего класса жителей отличаются патриархальною простотою» [6, с. 401].

С промышленностью и образованием дела обстоят не лучше. «Промышленность граждан очень незначительна. Заводов считается... (здесь, почему-то Надеждин цифру не указал, предоставляя право читателям самим осуществить подсчет), кожевенных 9, прядильных 6, буточных 2, варочных 1, сахарных 2, свечных сальных 11, свечной восковой 1, уксусных 2, пивной 1, крупяной 1, солодовенных 3, колоколенный 1, кирпичных 14. Но из них многие не действуют, другие производят только для домашнего городского обихода» [6, с. 401].

«Учебные заведения состоят из двух семинарий с уездным и приходским училищем, губернской гимназией с такими же, и пансиона для благородных девиц, который, впрочем, с прошлого 1837 года обучает только приходящих учениц. Гимназия образована из народного училища, которое учреждено при самом открытии Вологодского наместничества»; «Учащихся в семинарии и ее учащих считается до 1000 человек» [6, с. 402].

Наблюдательности Надеждина можно позавидовать: «Благотворительные заведения в Вологде состоят преимущественно из тех, которые содержатся приказом общественного призрения. Их числом 5, именно, больница на 72 кровати, дома для неизлечимых на 20 кроватей, дом ума лишенных, богадельня на 52 кровати и пансион для благородных детей бедного состояния» [6, с. 402].

И если в Вологде дела обстоят не так плохо, то в Вологодской губернии все из рук вон. «Здесь сохраняются до сих пор во всей своей чистоте древние предания, поверья, обычаи, забавы, игрища; особенно в Устюге, кажется, живешь еще в блаженные времена русских сказок» [7, с. 416]. «Хозяйство Вологодской губернии, как сельское, так и городовое, стоит

еще на низкой ступени развития. В западной половине есть некоторые признаки промышленности, которая ведет за собой довольство и роскошь; но на востоке до сих пор царствует патриархальная простота, граничащая с дикостью» [7, с. 417].

По наблюдению Надеждина, на востоке обитают так называемые зыряне. В XIX веке они мало чем отличаются от «плодей неразумных». Они практически не занимаются ремеслами и земледелием (вторым, вероятно, в силу климата); у них отсутствует искусство. Не имея путей сообщения, ни внутренних, ни внешних, зыряне сумели освоить только звероловство. Если в Усть-Сысольске еще иногда собирают достойный урожай, то на прочие уезды надежды нет никакой. «В Сольвычегодском уезде, на Пинеге, в Яренском удоре, в Устьсысольском на Верхней Вычегде и Печоре, нередко случается, что жители, в продолжение нескольких лет сряду, пытаются пихтовою корою вместо хлеба» [7, с. 417].

Помимо этого, Надеждин публикуется в журналах «Библиотека для чтения», «Литературные прибавления к Русскому инвалиду», пишет для «Одесского альманаха» и для альманаха «Утренняя заря». На зарабатывающие от публикаций деньги Надеждин и живет.

А Вологда в его глазах совершенно не меняется.

Из письма С.Т. Аксакову: «Здесь, кажется, весны не бывает вовсе... Вообразите, что с Благовещенья, когда птичка божия в вашем мире завивает свое гнездышко, у нас повалил снег хлопьями, а ныне завернул мороз и ветер бушует» [4, с. 176].

Вологодские новости тоже не блещут разнообразием: «Нынешнюю ночь я всю не спал. В городе был пожар. На колокольнях били в набат. Шум, крик, гам — среди темной, хоть глаза уколи, ночи. Горело не очень далеко от моей квартиры. Стали было готовиться выбираться. К свету, однако, огонь был преображен. Сгорело в рядах две лавки. Вот вам мои новости, вот вам наша вологодская история!..» [4, с. 177].

Не менее «интересен» и Великий Устюг. Из письма М.Н. Погодину: «Чтобы сделать что-нибудь большое, важное, вековечное — надо работать с жаром, с одушевлением. А там, где в продолжение нескольких месяцев замерзает ртуть, где на расстоянии тысячи верст нет живой души — мудрено иметь жар и одушевление» [1, с. 192].

Однако в сравнении с Вологдой Великий Устюг описан Надеждиным как более цивилизованный город: «Настоящий правильный и красивый вид город получил в 1772 году, после пожара, от которого почти весь выгорел. Существование такого многолюдного (7830 душ — К.С.) и цветущего города в стране отдаленной и суровой изъясняется счастливым положением его при стечении двух больших рек, впадающих в Северной Двиной в Белое море. Главнейшая из них — Сухона» [5, с. 291].

В середине 1837 года Надеждин отправляется в Усть-Сысольск.

В августе того же года он молит Д.Н. Болговского забрать его обратно в Вологду. Уже 3 ноября 1837 года последовала резолюция Николая I о содержании Надеждина в Вологде под строгим надзором [4, с. 174].

Спустя месяц Надеждин пишет С.Т. Аксакову: «В Вологде есть, по крайней мере, хоть два-три человека с образом и подобием божиим...» [4, с. 178].

В апреле 1838 года Надеждин был прощен; ему разрешалось жить там, где он пожелает. Как итог звучит общая оценка Вологды письме все тому же Аксакову: «Вологда, какова ни на есть, а губернский город!» [4, с. 180].

Вскоре Надеждин переехал в Петербург. В северной столице он активно трудится для «Журнала Министерства внутренних дел», становится в 1848 году представительствующим в отделении этнографии. Спустя год вместе с К.Д. Кавелиным отстаивает идею организации массовой работы по изучению русского языка в России. Философия и литературная критика навсегда остались в прошлом.

Литература

1. Ирсстская Л.А. Письма Н.И. Надеждина к М.Н. Погодину // Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. – Вып. 39.– М., 1978.
2. Каменский З.А. Н.И. Надеждин: Очерк философских и эстетических взглядов (1828–1836). – М., 1984.
3. Козмин Н.К. Н.И. Надеждин. Жизнь и научно-литературная деятельность. 1804–1836. – СПб., 1912.
4. Кошелев В.А. Вологодские давности: Литературно-краеведческие очерки. – Архангельск, 1985.
5. Надеждин Н.И. Великий Устюг // Энциклопедический лексикон: в 16-ти тт. – Т. IX. – СПб., 1838.
6. Надеждин Н.И. Вологда // Энциклопедический лексикон: в 16-ти тт. – Т. XII. – СПб., 1838.
7. Надеждин Н.И. Вологодская губерния // Энциклопедический лексикон: в 16-ти тт.– Т. XII. – СПб., 1838.
8. Надеждин Н.И. О высоком // Надеждин Н.И. Сочинения: в 2-х тт. – Т. I. – СПб., 2000.
9. Надеждин Н.И. О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической // Надеждин Н.И. Сочинения: в 2-х тт. – Т. II.– СПб., 2000.
10. Осовцов С.М. С.Т. Аксаков или Н.И. Надеждин? // Русская литература. – 1963. – № 3.
11. Попов Н. Н.И. Надеждин на службе в Московском университете (1832–1835) // ЖМНП. – 1880. – № 1.